

Александра Чертополох

БИСКА

Александра Чертополох

БИСКА

«Автор»

2026

Чертополох А.

БИСКА / А. Чертополох — «Автор», 2026

Я — доктор Янс, учёный. Моя жизнь на станции «Биска» была проста и предсказуема: кофе, образцы, одиночество и ожидание сменщика. Я даже разговаривал с местными растениями — с кем ещё прикажете беседовать на краю изученной вселенной? А потом на пороге появилась она — раненая, злая, с винтовкой и таким количеством тайн, что мои научные журналы нервно задымились. Клая. Пилот, беглянка, единственный человек, способный украсть у планеты то, что она охраняла веками. И, как выяснилось, единственный, кто мог разбудить саму Биску.

© Чертополох А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александра Чертополох

БИСКА

Глава 1

Вселенная явно переоценила мою способность к медитации. Прошло триста сорок два стандартных часа с тех пор, как бот с провизией скрылся за пыльным горизонтом, и тишина стала осязаемой. Нет, не той благоговейной тишины, как в храме, а той, что звенит в ушах после удара по голове. Я, доктор Янс (специалист широкого профиля, а в данный момент — просто заложник обстоятельств), сижу в пластиковом кресле и наблюдаю, как остывает мой кофе. Зрелище, надо признать, не самое захватывающее.

Мой сменщик, некий многообещающий биолог с труднопроизносимым именем, которое я ласково сократил до «Бармалей», должен был быть здесь еще две недели назад. «Задержка рейса по метеоусловиям», — прощелбетала тогда автоматическая система Центра, приправив сообщение смайликом-солнышком. Сейчас этот смайлик кажется мне верхом издевательства. Метеоусловия на этой планете стабильны, как пульс покойника: вечный штиль, плюс двадцать два и ветер, лениво перекатывающий серую пыль с места на место. Скука здесь — не эмоция, а физическая константа.

Раньше я пытался развлечь себя беседами с бортовым ИИ, которого про себя зову Жужей. Но его база данных с анекдотами иссякла на четвертые сутки, а лекции по квантовой запутанности начали вгонять меня в такую тоску, что я всерьез начал задумываться, не запутаться ли мне в скафандре намертво. Хоть какое-то событие. Теперь моё расписание — это хореография бессмысленных движений: от койки к кофеварке, от кофеварки к иллюминатору, от иллюминатора к терминалу с данными.

А вот данные — это отдельная песня. Песня, которая мне категорически не нравится, но которую я мурлычу себе под нос, чтобы не свихнуться от тишины. Я здесь, собственно, ради образцов. Местная флора — это мелкие, чахлые растеньица, похожие на скрученные медные проволоочки с налетом бирюзовой слизи. Мы их ласково зовем «Сопли Хроноса». Ни вкуса, ни запаха, ни бурной растительной жизни. Идеальные объекты для изучения, ведь им, кажется, тоже скучно существовать. Но последние две недели мои «Сопли» начали проявлять характер.

Сначала я грешил на аппаратуру. Калибровал спектрометр до тех пор, пока Жужа не обиженно заявила, что «излишнее усердие ведет к истиранию калибровочных линз». Да, Жужа у нас зануда. Но нет, аппаратура, к сожалению, была в порядке. А вот образцы — нет. Их электрический потенциал, обычно вялый, как разговор о погоде в лифте, вдруг подскочил. Причем не хаотично, а как-то... синхронно. Как будто маленькие медные уродцы по всей станции, запертые в своих герметичных боксах, сговорились.

Вчера я взял один образец, самый наглый, и ткнул в него зондом. На дисплее высветились показатели, от которых я поперхнулся холодным кофе. Такие цифры обычно характерны не для растения, а для объекта, в котором идет ламинарный поток сознания. Ну, или, если проще, для мозга какого-нибудь жука. Только жук был бы размером с горошину, а тут — веточка сантиметров десять длиной. Я отложил зонд, протер глаза, снова ткнул. Результат повторился. «Сопля Хроноса» демонстрировала пики активности, которые учебники называют «осознанной реакцией на раздражитель». А раздражителем, видимо, был я, со своим идиотским выражением лица.

Вот тут-то и начинается самая паршивая часть — сомнения. Не те здоровые сомнения ученого, а липкие, параноидальные, какие бывают только в полной изоляции. Я ловлю себя на том, что начинаю слышать шаги. Какие шаги, Янс? Ты один на станции. И на планете. Постой,

а один ли? Второй образец сегодня утром самопроизвольно раскрылся, сбросив споры, хотя цикл размножения по всем расчетам должен был начаться только через три месяца. Жужа, разумеется, заметила аномалию и самым своим елейным голосом посоветовала «провести полную деконтаминацию жилого модуля». Я в ответ предложил ей деконтаминировать свои голосовые схемы, но совет принял. Процедура прошла штатно. Вот только чувство, что я здесь больше не главный экспонат в музее одиночества, осталось.

Центр на мои запросы отвечает стандартными отписками. «Ждите. Наблюдайте. Ведите журнал». Им легко говорить. Они там, на Земле, пьют горячий кофе, который не остывает за минуту, и видят других людей. А я сижу тут и чувствую, как воздух в станции становится гуще. Или мне это только кажется? Может, это побочный эффект от спор? Может, мне просто нужен отпуск? Или экзорцист для моих растений?

Я замечаю, что начинаю разговаривать с образцами. Нет, не просто комментировать свои действия, а вести с ними светские беседы. «Ну что, уважаемый, — говорю я утреннему образцу, — опять ваши показатели скачут? Вы там что, революцию планируете? Или вам просто передали, что Бармалей задерживается, и вы решили меня добить окончательно?» Образец, как истинный джентльмен, молчит в ответ, но мне почему-то кажется, что он ехидно ухмыляется своей бирюзовой слизью.

Сегодня утром сдох один из датчиков влажности в дальнем отсеке. Просто так, взял и выключился. Обычное дело, техника барахлит. Но мой воспаленный одиночеством мозг тут же выстроил цепочку: странная активность флоры — сбой в системе жизнеобеспечения. Я уже представляю, как эти милые медные завитушки оплетают генератор и устраивают короткое замыкание. А что? Самое время для восстания машин, и возглавят его не роботы-убийцы, а комнатные растения с манией величия. Учитывая, что больше развлечений не предвидится, я почти надеюсь, что так и будет. Пусть Бармалей прилетает и застает здесь новую форму разумной жизни. А я сяду в переговорную и буду пить уже остывший кофе с их новоявленным предводителем. Уверен, ему тоже можно будет пожать лепесток.

Скука — страшная сила. Она превращает ученого в конспиролога, а безобидные образцы в зеленых человечков. Я смотрю на мигающий огонек коммуникатора. Бармалей, ау! Прилети, а? У нас тут либо научный прорыв, либо у меня тихое помешательство. И я уже не уверен, какой из этих вариантов для меня предпочтительнее.

Двадцать пятый час местных суток стал моим личным проклятием. Если на Земле двадцать четыре часа пролетали незаметно, как стыковочный модуль мимо целевой орбиты, то здесь каждый лишний час длился вечность, набитую ватой и тишиной. Я выработал привычку: первые двадцать земных часов изображать из себя приличного ученого, а оставшиеся пять — философствовать о бренности бытия с пеной для бритья на лице.

Кстати, о бритье. Мой внутренний опрятист, дремавший где-то в подкорке, категорически отказался сдавать позиции. «Ты один на всей планете, Янс, — увещевал я свое отражение в мутном зеркале гигиенического отсека. — Ты можешь отрастить бороду, заплести ее в косички и украсить медными завитушками местной флоры. Ни одна живая душа не осудит». Но отражение смотрело на меня с таким укором, что рука сама тянулась к бритвенному станку. Каждое утро, или что тут считается утром, я проводил ритуал: пена, лезвие, три минуты почти нормальной человеческой жизни. Жужа, наблюдавшая за этим через сенсоры, однажды прокомментировала: «Доктор Янс, частота ваших гигиенических процедур превышает рекомендованные нормы расхода ресурсов в условиях изоляции на семнадцать процентов». На что я ответил, что лучше потратить лишнюю порцию воды, чем начать разговаривать с собственной бородой. Хотя, положив руку на сердце, с бородой, возможно, было бы интереснее.

Сообщений от Центра не было. Вообще. Я проверял коммуникатор с методичностью робота-уборщика: каждый час, ровно в ноль минут. Экран приветствовал меня неизменной надписью: «Канал связи: ожидание. Приоритетных сообщений: ноль. Прогноз восстано-

ния: не определен». Жужа предполагала солнечную активность. Я предполагал, что про меня банально забыли. Бармалей, наверное, уже распаковывает чемоданы на какой-нибудь другой, более перспективной планете, а мои «Сопли Хроноса» останутся невостребованным сокровищем галактической науки. От этой мысли становилось почти обидно. Почти — потому что настоящая обида требует зрителя, а у меня даже кактуса подходящего нет. Только медь и бирюзовая слизь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.